
Город Шэньхай. Настоящее время

Авария произошла совершенно внезапно.

— Господин Шэнь, только не умирайте!

«Что за?..» — лишь и успел подумать Шэнь Сюйбай, прежде чем окончательно провалиться в липкую беспамятность.

Его, находящегося без сознания, мчали в больницу на заднем сиденье автомобиля. Очертания мира расплывались. Каталку со скрипом вкатили в операционную. На грани затухающего восприятия донеслись тревожные возгласы врача в синей хирургичке:

— Пульс нитевидный! Готовьте дефибриллятор!

Шэнь Сюйбай искренне изумился. Он же всё прекраснейшим образом осознаёт! Зачем разряд?! Стойте!

Операция закончилась, однако в себя он так и не пришёл. Свою туманную прострацию прорезали два незнакомых голоса — мужской и женский:

— Дядя, мы правда любим друг друга.

— Отпусти нас, благослови наш союз!

Шэнь Сюйбай волевым усилием попытался распахнуть веки, но горло сдавила тяжелая, удушающая глухота. Дыхание перекрыло, будто кто-то силой пережал гортань. Воздух в лёгких стремительно выгорал, лишая сил, а лицо наливалось синевой.

Ему казалось, он умирает.

И в следующее мгновение он действительно умер.

На грани угасающего зрения мелькнули фигуры молодой парочки, только что хладнокровно выдернувшей шланги его кислородной маски.

«Какого чёрта?! При чём тут ваша любовь и моя дыхательная трубка?!»

Затем — вспышка, и Шэнь Сюйбай снова очнулся. Бледный как полотно, опять посреди

операции. И снова над ухом тот же голос:

— Пульс нитевидный, готовьте дефибриллятор!

Его будто заперли в кошмарной петле прямо на операционном столе. Ни сказать слова, ни вырваться. В разуме — дикий коктейль из ужаса и полнейшего непонимания: почему этот ад повторяется снова и снова?

Однако с каждой новой смертью в его сознание проникали чужие, незнакомые пласты воспоминаний.

Он всё ещё оставался Шэнь Суйбаем. Вот только... тридцатилетним Шэнь Суйбаем.

Его отключали от аппаратов раз за разом. Каждая гибель от удушья отпечатывалась в разуме мучительным опытом. В какой-то момент Шэнь Суйбай даже смирился: ладно, чёрт с ним, жить уже не так уж и хочется.

Но осколки чужой памяти постепенно складывались в единый витраж. И когда последняя мозаика встала на место, его осенило: вся его жизнь — это сюжет бульварного женского романа!

А сам он в этой книжонке — проходное пушечное мясо, неудачливый бывший муж. И убили его не кто иные, как главный герой и главная героиня.

В романе его биографию скомкали в издевательски-яркий заголовок: «Состояние в сотню миллиардов, статный красавец, добился невероятных высот, умер молодым, абсолютно бесплоден, окружен толпой потомков».

Если без прикрас: из-за неспособности иметь детей он усыновил мальчика. Этот приёмный сын и стал главным героем. Который в итоге прибрал к рукам не только заработанную кровь и потом империю Шэнь Суйбая, но и его красавицу-жену.

Пока Шэнь Суйбай был жив, эта парочка нагло крутила роман у него за спиной. Когда он умер — продолжала предаваться утехам прямо перед его траурным портретом на стене.

Ещё при его жизни героиня понесла, а после его смерти благополучно родила тройню — разумеется, от новоявленного «наследника».

Автор романа явно свято веровал в принцип: «Раз уж устраивать драму, то идти до конца!» — так что Шэнь Суйбай оказался не просто рогоносцем, а полноценным элементом изощренного любовного треугольника с молодой мачехой.

В общем, идеальная роль того самого мужа из коротких роликов, который спит на кровати словно убитый, пока вокруг разворачивается шекспировская страсть.

А финал его жизни и вовсе вышел анекдотичным. По сюжету, усомнившись в верности супруги и заподозрив её в беременности, он отправил её на обследование. Узнав, что плод — от его приёмного сына, Шэнь Сюйбай в бешенстве потребовал разрыва всех отношений. Но любовь главных героев была «крепче гранита». Потерявший от ярости разум Шэнь Сюйбай выскочил на проезжую часть и угодил прямо под колёса.

А потом они рыдали над его больничной койкой... параллельно выдергивая трубку ИВЛ.

Глупая, никчёмная смерть.

Замечательно! Человек в законном браке требует проверки на честность — и автоматически становится злобным антагонистом?

Больше всего Шэнь Сюйбая возмущало даже не то, что его с потрохами предала жена (в книге этот брак был чистой коммерческой сделкой ради связей, они толком и не виделись, не говоря уж об интиме). Раз уж так пылаете страстью — забирайте друг друга и проваливайте! Зачем человека-то убивать?!

Но, пролистав события после своей смерти, он всё понял.

Убив его, парочка унаследовала многомиллиардное состояние, сыграла пышную свадьбу века, утонула в народных благословениях и жила долго и счастливо. Счастливый финал!

То есть они не просто наставили ему рога, они ещё и подчистили его карманы!

Ладно бы просто деньги. Но ведь это бизнес, который он поднимал своими руками! Более того, персонаж был сиротой — в дело были вложены унаследованные от погибших родителей средства и вся его жизнь.

А эти двое, дорвавшись до наследства, абсолютно не умели управлять корпорацией. Не пройдёт и пяти лет, как вся империя пойдёт ко дну!

От одной этой мысли у Шэнь Сюйбая снова перехватило дыхание.

Счастье «главных героев» целиком построили на костях и страданиях сюжетного расходного материала!

Кардиомонитор в операционной несколько раз вычерчивал ровную линию, приводя врачей в неописуемый ужас от перспективы врачебной ошибки.

Сколько дней прошло в небытии, Шэнь Сюйбай не знал, но в конце концов открыл глаза.

Первым делом он судорожно, глубоко жадно вдохнул чистый кислород. Бесконечная петля удушающих смертей наградила его настоящей фобией.

— Господин Шэнь! Вы наконец-то очнулись!

Солнечный свет мягко озарял чистое, благородное лицо Шэнь Сюйбая. Он прищурился от непривычно яркого блеска и прикрыл глаза ладонью.

— Вы всю неделю пролежали в коме! Не очнись вы сегодня, я бы сам свалился от инфаркта!

Кань Цин вытирал слёзы и сопли. С тех пор как босс угодил в аварию, вся тяжесть управления компанией обрушилась на его плечи. Но он-то был всего лишь личным ассистентом! Составить график, подать кофе — это пожалуйста, а вот вести штурвал огромной корпорации — увольте, не тот уровень.

С момента катастрофы действительно прошла неделя. Физически Шэнь Сюйбай почти не пострадал, но почему-то не приходил в себя, поставив врачей в полный тупик.

— Свалиться от инфаркта — это ещё лёгкая смерть, — тихо пробормотал Шэнь Сюйбай, глядя в потолок.

— Что?..

«Вы только выкарабкались с того света и с ходу принимаетесь за моральный абьюз?» — мысленно возопил ассистент.

Поскольку организм Шэнь Сюйбая ещё не до конца восстановился, его оставили в палате ещё на пару дней. Кань Цин периодически навещал босса, принося на подпись самые срочные бумаги. Но ассистента не покидало странное ощущение: после пробуждения в его начальнике что-то кардинально изменилось.

Шэнь Сюйбай мог часами простаивать у открытого окна, молча и упоенно вдыхая свежий воздух.

А иногда ни с того ни с сего философски ронял:

— Сяо Цин... Как думаешь, в чём вообще смысл человеческой жизни?

От таких вопросов у Кань Цина мороз шёл по коже. Он тут же начинал с пылом зачитывать шефу самые вдохновляющие цитаты из книг по саморазвитию. Потерять такую работу в его планы никак не входило — господин Шэнь платил слишком щедро.

Прежде их гендиректор был жизнерадостным, энергичным молодым человеком. А теперь выглядел так, словно за неделю комы прожил полвека суровых испытаний.

Не смея расспрашивать лишнего, Кань Цин перевёл тему и доложил, что сегодня оформляется выписка:

— Да, и по поводу вашей поездки к семье Гу... Из-за аварии всё отложилось. Из усадьбы спрашивают, приедете ли вы к ним на канун Нового года.

Шэнь Сюйбай рано лишился родителей. В свои двадцать он только-только окончил магистратуру в Германии и вернулся на родину, чтобы принять управление семейным делом. Несмотря на юность, он уже добился впечатляющих успехов, а его начинания высоко оценивали патриархи бизнеса. Перспективы открывались блестящие.

Бывают же люди: одни рождаются в Риме, а другие — волами, чтобы пахать до седьмого пота.

Мать Шэнь Сюйбая была приёмной дочерью в клане Гу — одной из влиятельнейших семей Шэньхая. Вернувшись в Китай, Шэнь Сюйбай нуждался в связях и ресурсах этого семейства, поэтому планировал нанести им официальный визит.

А заодно — выбрать среди младшего поколения Гу подходящего ребёнка для усыновления. Это позволило бы скрепить союз с кланом и заложить прочный фундамент для бизнеса. Настоящий фанатик карьеры: внешне благородный порыв с усыновлением сироты на деле являлся трезвым бизнес-расчётом.

И надо же было такому случиться, что именно в день поездки к Гу он попал в аварию.

Вспомнив всё это, Шэнь Сюйбай постепенно стянул с себя полусонное оцепенение.

— Ещё звонила госпожа Е, — Кань Цин заглянул в планшет. — Хотела навестить вас в больнице, но потом улетела в Европу на отдых.

Договорный брак с семьей Е подготавливался с той же прагматичной целью — расширить влияние. Шэнь Сюйбай видел Е Чживэй от силы пару раз. Единственная дочь в семье, избалованная и наивная, она устроила ему скандал при первой же встрече за то, что он не преподнёс ей букет цветов.

На следующую встречу Шэнь Сюйбай цветы принёс. Но вместо роз вручил хрустящий традиционный хворост махуа. Барышню Е чуть удар не хватил от такого утончённого

троллинга.

Шэнь Сюйбай тогда спокойно заметил: «Уважение должно быть взаимным». С тех пор они друг друга откровенно недолюбливали.

Брак без капли чувств — чисто делаческий расчёт высшего общества.

— Так вы поедете к Гу? — уточнил Кань Цин.

Новый год наступал уже послезавтра. Интересно, кому из детворы Гу улыбнётся удача стать наследником самого Шэнь Сюйбая?

Шэнь Сюйбай долго молчал, а затем на его губах появилась улыбка. Вот только у ассистента от этого взгляда мурашки побежали по спине.

— Поеду. Отчего же не поехать?

Город Шэньхай. Старая усадьба семьи Гу

— Слышали? Сегодня должен приехать Шэнь Сюйбай.

— Это твой двоюродный дядя! Приедет — обязательно поздоровайся как следует, не вздумай звать по имени.

— Да я его в глаза не видел. Как я пойму, кто из них он?

— Не ошибёшься. У него четверть немецкой крови — самый красивый из всех, не спутаешь.

С неба тихо срывался редкий снежок, ледяными узорами затягивая оконные стёкла. Наступал канун Нового года. Старинный особняк Гу сиял огнями; у парадных ворот выстроились вереницы люксовых автомобилей. Клан Гу имел колоссальный вес в Шэньхае, поэтому поздравить старейшин прибывала вся городская знать.

Прислуга с особым усердием готовила дом к праздничному ужину. Пожилые горничные хлопотали над новогодним столом, обсуждая новости громче обычного:

— Это ведь сын Гу Юэжань? Мать-то у него красавица была, да и умом не обижена.

— Надо же, вернулся из-за границы и первый Новый год решил встретить у нас.

В доме давно не устраивали приёмов с таким размахом. Все суетились ради одного человека — окутанного слухами молодого родственника Шэнь Суйбая.

— Дедушка от него в полном восторге, — Госпожа Гу бережно расправила пиджак на своем одиннадцатилетнем сыне и поправила ему галстук-бабочку, придавая мальчику безупречный вид. — В нашем роду давно не рождалось настолько одарённых юношей. И сегодня он приедет, чтобы выбрать себе наследника.

В глазах женщины блеснул азартный огонёк. На днях она случайно подслушала разговор Шэнь Суйбая со Старейшиной Гу. Молодчик выглядел с головы до ног безупречно: строгий костюм, на запястье — «Патек Филипп» за миллион, изысканные манеры и свободная, уверенная речь, приведшая старика в искренний восторг.

Но самое главное — перед уходом Шэнь Суйбай обмолвился, что из-за неспособности иметь детей хочет взять на воспитание ребёнка из семьи Гу и сделать своим единственным преемником.

Госпожа Гу тогда обомлела. Посочувствовав его недугу, она тут же загорелась жадной наживы.

— Мне всё равно, как ты обычно себя ведёшь, — с тихим нажимом внушала она сыну, Гу Цзычэну. — На этот раз ты обязан сделать всё, чтобы дядя выбрал именно тебя!

— Не волнуйся, мама.

В маленьком теле Гу Цзычэна билась душа переродившегося взрослого. Насколько беспросветным был его прошлый финал, настолько же дикий восторг охватывал его теперь. Опустив взор, он едва сдерживал торжествующую улыбку.

У него появился второй шанс! В этой жизни он поднимется на самую вершину!

И первый шаг к победе — стать приёмным сыном Шэнь Суйбая.

Когда мать вышла, Гу Цзычэн ещё раз пригладил причёску перед зеркалом. Вдруг за спиной раздался лёгкий шорох — будто из тёмного угла за ним пристально наблюдал затаившийся призрак.

От этого знакомого, въевшегося в подкорку ощущения Гу Цзычэна обдало ледяным потом.

Повинуясь инстинкту, он шагнул на звук и с силой толкнул незапертую дверь в подсобную нишу.

В узком простенке, буквально в шаге от него, сжался мальчик.

Он прятался в темноте, судорожно прижимая к груди пластмассовый механический конструктор. Несчастный был до ужаса тощ: несмотря на зимнюю стужу, на нём висела лишь потёртая чёрная толстовка да рваные штаны. Из-за болезненной худобы его глаза казались неестественно выпуклыми, точно у черепа. Мальчик молчал, но его тяжёлый, угрюмый взгляд был полон дикой, звериной настороженности.

Гу Цзычэн криво ухмыльнулся, хотя его ладони против воли дрогнули:

— Надо же. Снова ты, Гу Се.

Он с трудом удерживал внешнее спокойствие, разглядывая оборвыша. Перед ним стоял тот, с кем он враждовал всю прошлую жизнь.

Человек, который в том, прошлом мире сбежал из тюрьмы и всадил ему нож прямо в сердце.

<http://bllate.org/book/20125/1993077>